

В.Н. Лясковский

Братья Киреевские

Жизнь и труды их

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Н. Лясковский**
Братья Киреевские: Жизнь и труды их / В.Н. Лясковский – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 101 с.

ISBN 978-5-517-96286-7

ISBN 978-5-517-96286-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

трудно сысвать человѣка, на котораго бы по справедливости положиться можно было».

Еще труднѣе—скажемъ мы за написавшимъ это—найти такому человѣку достойную его жену. На долю Василя Ивановича выпало это рѣдкое счастье. Авдотья Петровна, дочь Варвары Аванасьевны Юшковой—старшей сестры, крестной матери и отчасти воспитательницы Жуковскаго—любимая подруга его дѣтства, сестра Анны Петровны Зонтагъ, могла оцѣнить своего мужа и стать для него тѣмъ человѣкомъ, «на котораго по справедливости положиться можно было». Но Богъ не судилъ имъ долгаго счастья: всего семь лѣтъ прожила съ мужемъ Авдотья Петровна и осталась двадцати двухъ лѣтъ съ тремя дѣтьми на рукахъ. Изъ нихъ старшему сыну шелъ седьмой годъ, младшему—пятый и дочери—другой *).

Нелегкое дѣло предстояло молодой вдовѣ. Управление деревнями, разбросанными въ нѣсколькихъ губерніяхъ (Калужской, Орловской, Тульской, Тверской и Владимірской), требовало опытности, которой она, конечно, не имѣла; а скоро долженъ былъ представиться и вопросъ о воспитаніи дѣтей, особенно сыновей, столь мудреный для одинокой женщины. Къ выполненію второй задачи у нея по крайней мѣрѣ скоро нашелся надежный совѣтникъ.

Любовь Жуковскаго къ другой его племянницѣ, Марьѣ Андреевнѣ Протасовой, и окончательный отказъ ему въ ея руку со стороны ея матери, Екатерины Аванасьевны, заставили огорченнаго поэта уѣхать изъ своего небольшого имѣнія въ сосѣдствѣ Протасовыхъ. Послѣ нихъ изъ родныхъ и друзей ближе всѣхъ была ему Авдотья Петровна—и вотъ онъ въ концѣ лѣта 1814 года перебрался въ Долбино, гдѣ и прожилъ больше года.

Время это оставило неизгладимый слѣдъ въ душѣ старшаго Кирѣевскаго; младшій, семилѣтній Петръ, не былъ еще

---

*) Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій родился 22-го Марта 1806 года въ Москвѣ, Петръ Васильевичъ—11-го Февраля 1808 года въ Долбино, сестра ихъ Марья Васильевна—8-го Августа 1811 года.

въ состояніи имъ воспользоваться. Иванъ же, которому уже было почти девять лѣтъ и который, какъ первенецъ, да еще такъ рано лишившійся отца, очень рано и развился, всей душой привязался къ человѣку, неотразимо дѣйствовавшему на всѣхъ его знавшихъ возвышеннымъ строемъ своей души и младенческою чистотою сердца. Въ этомъ раннемъ сближеніи съ Жуковскимъ слѣдуетъ искать перваго объясненія того исключительно-идеальнаго склада, которымъ на всю жизнь запечатлѣлось мировоззрѣніе Ивана Васильевича Кирѣевскаго и который нашелъ себѣ завершеніе подъ конецъ ея подъ руководствомъ подвижниковъ инаго закала. Таковы были общія послѣдствія близости Жуковскаго; въ частности она же зародила въ его маленькомъ другѣ влеченіе къ занятіямъ словесностью. Какъ рано стали ему давать чтеніе, далеко упреждавшее его возрастъ, видно изъ сохранившейся книги извѣстнаго масона Ивана Владиміровича Лопухина—который, правда, былъ его крестнымъ отцомъ:—«Нѣкоторыя черты о внутренней церевѣ, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели, съ присоугоупленіемъ краткаго изображенія качествъ и должностей истиннаго христіанина». На заглавномъ листѣ этой книги надпись: «Отъ автора на память искренняго уваженія», а подъ портретомъ И. В. Лопухина—«Милому Ванюшѣ за доброе его сердце отъ истиннаго друга бабушки, 1814—Февраля 20»—то есть когда будущему философу не было еще полныхъ восьми лѣтъ.... Младшій его братъ, который, какъ мы уже сказали, былъ тогда еще слишкомъ малъ, и не былъ въ такой степени затронутъ этими впечатлѣніями. Можно предполагать, что это впоследствии отразилось на разницѣ ихъ умственнаго склада, при всей ихъ неразрывной дружбѣ и при томъ безпредѣльномъ поклоненіи, которое всегда питалъ Петръ Васильевичъ къ своему, повидимому болѣе даровитому, старшему брату. Но объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить еще не одинъ разъ.

Въ концѣ 1815 года Жуковскій покинулъ Долбино, мечта скоро опять туда вернуться и посвятить себя воспитанію Кирѣевскихъ; но мечта эта не осуществилась.

Черезъ два года Авдотья Петровна вторично вышла замужъ за своего троюроднаго брата Алексѣя Андреевича Елагина, человѣка также очень образованнаго, который былъ почитателемъ Шеллинга и даже переводилъ его сочиненія. Дальнѣйшее образованіе молодыхъ Кирѣевскихъ шло подъ руководствомъ вотчима и матери. Они прекрасно изучили математику и языки французскій и нѣмецкій и перечитали множество книгъ по словесности, исторіи и философіи изъ библіотеки, собранной еще ихъ отцомъ. Въ 1822 году, для окончанія ихъ ученья, вся семья переѣхала въ Москву. Къ двумъ братьямъ въ ней прибавился младшій, Елагинъ—Василій и позднѣе—Николай, Андрей и сестра Елизавета. Ученье старшихъ по прежнему шло совершенно однимъ путемъ; но при этомъ конечно Иванъ, по годамъ своимъ, долженъ былъ опередить Петра. Они брали уроки у профессоровъ университета Мерзлякова, Снегирева и другихъ; кромѣ того Иванъ слушалъ публичныя лекціи о природѣ профессора М. Г. Павлова, послѣдователя Шеллинга. Товарищемъ его по ученію былъ А. И. Кошелевъ. Въ это время Кирѣевскіе выучились по англійски, по латыни и по гречески; но пріобрѣтенное ими знаніе древнихъ языковъ было настолько невелико, что Ивану Васильевичу, двадцать лѣтъ спустя, пришлось учиться имъ вновь. Теперь же это была не болѣе какъ подготовка къ экзамену, называвшемуся тогда комитетскимъ, который Иванъ Васильевичъ и выдержалъ вмѣстѣ съ Кошелевымъ и вмѣстѣ же съ нимъ въ 1824 году поступилъ въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; Петръ служилъ въ немъ также, но гораздо позже. Съ этого времени умственныя дороги братьевъ, при сохраненіи всей ихъ дружбы, начинаютъ постепенно обособляться, чтобы много лѣтъ спустя, какъ мы увидимъ, сблизиться вновь.

II.

На Солянкѣ, въ старинномъ домѣ, принадлежавшемъ некогда думному дьяку Украинцеву, помѣщалось учрежденіе, носившее названіе Московскаго Главнаго Архива Коллегіи— а затѣмъ Министерства— Иностранныхъ Дѣлъ. Некогда только архивъ, то есть мѣсто храненія статейныхъ списковъ и дѣлъ Посольскаго Приказа и послѣдующей дипломатической переписки—учрежденіе это, по волѣ Екатерины и подъ руководствомъ историографа Миллера, принялось за разборку и подготовку къ печати актовъ дипломатическихъ сношеній Россіи. Постепенно развивая свою дѣятельность въ этомъ направленіи, Архивъ въ 1811 году выдѣлилъ изъ себя Коммиссію печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, которая, при щедрой денежной помощи канцлера графа Румянцева, начала издавать собраніе ихъ. При директорахъ Архива Н. Н. Бантышъ-Каменскомъ, А. Ѳ. Малиновскомъ и впослѣдствіи князь М. А. Оболенскомъ продолжалась непрерывная разработка неисчерпаемыхъ—и доселѣ неисчерпанныхъ—сокровищъ Архива. Достаточно назвать имена потрудившихся здѣсь К. Ѳ. Калайдовича и П. М. Строева или пользовавшихся здѣшними актами С. М. Соловьева и митрополита Макарія, чтобы напомнить о количествѣ и достоинствахъ исполненной въ Архивѣ работы. Позднѣе Архивъ былъ перемѣщенъ въ новое великолѣпное зданіе на Моховой и его недавно умершій директоръ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ могъ широко открыть русскимъ и иностраннымъ ученымъ гостепріимныя двери ар-

хивскихъ читаленъ. Нынѣ въ этомъ и сосредоточивается значеніе Архива; но въ то время, когда поступилъ въ него И. В. Кирѣевскій, русскіе историки были на перечь, постороннихъ въ Архивъ не допускали и что въ немъ дѣлалось—дѣлалось своими чиновниками; зато этихъ чиновниковъ было многія сотни.

Традиціонная связь дипломатической карьеры съ хорошимъ тономъ, изящество и сравнительная легкость службы, перспектива полученія мѣста за границей, куда такъ тянуло русскаго образованнаго человѣка того времени и куда ему не всегда легко было попасть—все это привлекало въ Архивъ цвѣтъ тогдашней московской молодежи. Конечно, дѣло дѣлало собственно малое число архивскихъ чиновниковъ: остальные только числились на службѣ, ожидая перевода въ Петербургъ или за границу и служа предметомъ частью зависти (за право ничего не дѣлать), частью ироническихъ замѣчаній.

Архивны юноши толпою
На Тяню чопорно глядятъ—

сказалъ Пушкинъ въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ». Прозвище это такъ и осталось за ними. Но кромѣ этой отрицательной стороны дѣла, была и положительная. Соединеніе въ близкомъ, непринужденномъ товариществѣ множества людей молодыхъ, способныхъ, образованныхъ и независимыхъ—не могло пройти безслѣдно ни для Москвы, ни для самихъ этихъ людей; и не слѣдуетъ забывать, что Архивъ былъ тѣмъ первымъ по времени центромъ, гдѣ зародилась позднѣйшая умственная жизнь Москвы и главнымъ образомъ философскихъ ея кружковъ.

Для официальнаго средоточія этой жизни, Московскаго университета, это время было временемъ переходнымъ. Старыя свѣтила закатывались, новыя еще не восходили. При томъ, по условіямъ тогдашней жизни, значительная доля образованія шла, такъ сказать, мимо университета. Если мы перечислимъ тогдашнюю молодежь, о которой и идетъ рѣчь, то увидимъ, что добрая половина тѣхъ людей, въ которыхъ выразилось русское просвѣщеніе середины истекающаго вѣка, — не были питомцами университета. Причины этого слѣдуетъ

искать не столько въ неудовлетворительности послѣдняго, — ибо изъ него тогда же выходили крупныя умы и таланты, — сколько именно въ складѣ учебнаго дѣла, установившемся въ тогдашнемъ высшемъ дворянствѣ, которое, въ свою очередь, заключало въ себѣ почти все свѣтское образованіе того времени. Самая эта, такъ сказать, привилегированность образованія, бывшаго принадлежностью одного очень тонкаго общественнаго слоя, заставляла людей этого слоя ревниво, хотя бы и не всегда сознательно, оберегать свое просвѣщеніе отъ вульгаризаціи: а университетъ, тогда несравненно менѣе свѣтскій по своей внѣшности, не могъ не представляться вульгарнымъ въ глазахъ людей, стоявшихъ еще на рубежѣ прошлаго вѣка. Университетъ этотъ наполнялся не одними дворянами — а иные родители не желали, чтобы сыновья ихъ сидѣли на одной скамьѣ съ разночинцами. Между тѣмъ обычай домашняго обученія остался отъ прежняго времени; и хотя многимъ родителямъ того поколѣнія, о которомъ говоримъ мы, большинство только что перечисленныхъ соображеній было уже чуждо, но общественныя привычки мѣняются не сразу и всегда переживаютъ породившія ихъ условія. Таковы были причины, по которымъ значительная доля юношества двадцатыхъ годовъ училась дома. Одно случайное обстоятельство придавало этому ученію характеръ, котораго не имѣло ни болѣе раннее, ни послѣдующее время. Какъ и прежде и какъ долго послѣ — домашними учителями въ русскихъ семьяхъ были иностранцы; но до поколѣнія, о которомъ идетъ рѣчь, еще дожили воспитатели, каковыхъ послѣ уже не было — французскіе эмигранты. Изъ нихъ нѣкоторые были люди съ выдающимся характеромъ, образованіемъ и умомъ; конечно, такой составъ учителей не могъ не отразиться на общемъ уровнѣ учениковъ.

Молодые люди изъ высшаго круга, приготовившись дома, обыкновенно держали въ университетѣ экзаменъ для поступленія на службу; иные поступали въ университетъ студентами или вольными слушателями; рѣдкіе прямо держали экзаменъ на кандидата. Такимъ образомъ связь съ университе-

томъ все же поддерживалась постоянно черезъ профессоровъ и товарищей.

Первымъ и ближайшимъ товарищемъ И. В. Кирѣевскаго былъ, какъ мы уже сказали, Александръ Ивановичъ Кошелевъ, одинъ изъ немногихъ русскихъ людей, которымъ долгота жизни позволила довершить все, къ чему они сами считали себя призванными. Дѣятельность Кошелева—еще въ памяти людей нынѣ живущихъ; жизнь его подробно разсказана въ недавно вышедшемъ обширномъ трудѣ *). Поэтому личность его—одна изъ наиболѣе опредѣленныхъ въ нашемъ недавнемъ прошломъ. Незадолго до его смерти, когда составитель настоящаго очерка, приступая къ обработкѣ біографіи Хомякова, попросилъ у Александра Ивановича объясненія одной черги богословской дѣятельности его покойнаго друга,—Кошелевъ, давъ, какъ всегда, короткій и ясный отвѣтъ на предложенный вопросъ, прибавилъ: «Впрочемъ знайте, что я всегда больше былъ по политической части». Эти слова необыкновенно ясно рисуютъ сазавшаго ихъ и въ то же время доказываютъ, какъ вѣрно понималъ онъ свое призваніе. Ужъ сильный, способный, но не склонный къ философскому самоуглубленію и потому всегда предпочитающій ему дѣятельность практическую; твердая воля и привычка къ послѣдовательной и усидчивой работѣ; отсутствіе художественныхъ способностей, дающее видъ сухости и холодности, при ясномъ пониманіи сердечныхъ отношеній и при неизмѣнной крѣпости сердечныхъ привязанностей, свѣжесть духа и тѣла до глубокой старости—вотъ какимъ представляется намъ Кошелевъ. Въ отношеніи И. В. Кирѣевскаго онъ любопытенъ тѣмъ, что былъ едва-ли не полною его противоположностью:—тѣмъ поучительнѣе ихъ почти полувѣковая неразрывная дружба.

Въ Московскомъ Архивѣ встрѣтились они съ Титовымъ **)

---

*) *Н. Колмановъ*, Біографія А. И. Кошелева.

***) Владиміра Павловича Титова пишущему это пришлось видѣть одинъ разъ весною 1883 года въ этомъ самомъ Архивѣ. Показывая ему Архивъ, въ которомъ времена службы обоихъ были раздѣлены *шестьюдесятью* годами, нельзя было не поддаться обаянію необыкновенной ясности ума и души восьмидесятилѣтняго старца. Таковъ былъ Титовъ и во всю свою жизнь:

и съ братьями Веневитиновыми. Письма В. П. Титова къ И. В. Кирѣевскому говорятъ повидимому о мелочахъ; но въ нихъ рисуется его характеръ—живой, бодрый, привлекательный—и его горячая любовь къ Кирѣевскому, не ослабленная ни долговременною разлукою, ни блестящею дипломатическою карьерою Титова. Не даромъ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, въ письмѣ къ брату изъ Петербурга въ 1835 году по поводу приѣма, оказаннаго ему тамъ друзьями Ивана Васильевича, говорить: «Особенно въ холодной и лаконической заботливости Титова есть что-то истинно трогательное: вотъ человекъ, какихъ я люблю! и это можетъ быть именно тотъ изъ друзей твоихъ, который всѣхъ глубже тебя любитъ».

Такимъ же вѣрнымъ другомъ былъ Алексѣй Владиміровичъ Веневитиновъ, доказавшій это въ послѣдніе дни жизни Ивана Васильевича и потомъ нѣжною заботливостью о дѣтяхъ его, послѣ его смерти. Его безвременно умершій братъ Дмитрій Владиміровичъ былъ руководителемъ своихъ сверстниковъ въ изученіи германской философіи. Первые шаги Дмитрія Веневитинова на поприщахъ поэзіи, философіи и критики были настолько широки и смѣлы, что трудно сказать теперь, по какому изъ этихъ путей пошелъ бы онъ окончательно; но что смерть его была тяжелою утратою для Россіи—это несомнѣнно. Въ своемъ дружескомъ кружкѣ Веневитиновъ оставилъ навсегда глубокой слѣдъ и благоговѣйное воспоминаніе. Изъ другихъ архивныхъ юношей назовемъ талантливаго и нѣсколько беспорядочнаго С. А. Соболевскаго—впослѣдствіи извѣстнаго библіографа; его друга И. С. Мальцова—впослѣдствіи управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и одного изъ первыхъ по времени русскихъ фабрикантовъ; наконецъ будущаго профессора русской словесности С. П. Шевырева и воспитателя Ѳ. И. Тютчева—С. А. Рапча. Изъ числа не служившихъ въ Архивѣ воспитанниковъ Московскаго университета къ этому кружку примѣнули: М. П. Погодинъ, ботаникъ и собиратель малороссійскихъ пѣсенъ М. А. Максимовичъ, переводчикъ «Вертера» Н. М. Рожалинъ и князь В. Ѳ. Одоевскій. Нѣсколько позже Иванъ Васильевичъ сошелся

съ графомъ Е. Е. Комаровскимъ и съ поэтомъ Е. А. Баратынскимъ; послѣдняго онъ считалъ однимъ изъ самыхъ дорогихъ своихъ друзей. Черезъ Веневитиновыхъ къ тому же кружку принадлежали ихъ товарищи по ученью, братья Хомяковы. Изъ нихъ особенно друженъ съ Д. В. Веневитиновымъ былъ старшій, Фодоръ, служившій въ Петербургѣ; младшій же, Алексѣй Степановичъ, также мало жившій въ эти годы въ Москвѣ, сдѣлался замѣтенъ въ кругу товарищей нѣсколько позже.

Такова была умственная обстановка, въ которой вращались братья Кирѣевскіе. Насколько можно судить по раннимъ письмамъ Кошелева, первую паукою, обратившею на себя вниманіе И. В. Кирѣевскаго, была политическая экономія: по крайней мѣрѣ лѣтомъ 1822 г., во время подготовленія къ экзамену, онъ писалъ какое-то сочиненіе о торговлѣ, и Кошелевъ собирается много спорить съ нимъ объ этомъ предметѣ. Немного позже, Кошелевъ совѣтуетъ Кирѣевскому заняться изложеніемъ Адама Смита, котораго онъ много читалъ. Но уже въ слѣдующемъ 1824 году Иванъ Васильевичъ увлекся германской философій въ товарищескомъ кружкѣ Веневитинова и князя Одоевскаго, издававшего сборникъ «Мнемозину».—«Въ то время»—говоритъ Кошелевъ въ своихъ запискахъ: «кружокъ совершенно предался изученію умозрительной философій и считалъ христіанское ученіе годнымъ только для народныхъ массъ. Особенно высоко цѣнило общество Спинозу, творенія котораго оно ставило выше Евангелія и другихъ священныхъ писаній. Предсѣдателемъ общества былъ князь Одоевскій, а главнымъ ораторомъ Дм. Веневитиновъ, который своими рѣчами приводилъ въ восторгъ и заставилъ Кирѣевскаго выразиться, что Веневитиновъ рожденъ болѣе для философій, чѣмъ для поэзіи». Общество окончило существованіе послѣ 14 декабря 1825 г. Вскорѣ Одоевскій, а за нимъ Кошелевъ и Веневитиновъ, переѣхали въ Петербургъ, Кирѣевскій продолжалъ заниматься философій, и въ іюнѣ 1826 года Кошелевъ пишетъ ему: «Съ нетерпѣніемъ желаю прочесть твое сочиненіе о Добродѣтели. Предметъ еще мало

обработанный съ той точки на которую (ты его) поставилъ— на трансцендентальный идеализмъ, единственное Любомудріе, могущее развернуть намъ мысль добра».

Итакъ двадцатилѣтній И. В. Кирѣевскій былъ совершенно чуждъ христіанскаго міровоззрѣнія въ наукѣ. Петръ Васильевичъ, какъ кажется, расходился въ этомъ съ горячо любимымъ братомъ и напротивъ нашелъ единомышленника въ Хомяковѣ, который возвратился въ Москву въ 1827 году. Но о занятіяхъ и взглядахъ Петра Васильевича за это время мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ точныхъ извѣстій. Кошелевъ и Титовъ, переселившись въ Петербургъ, стали звать туда И. В. Кирѣевскаго. Въ 1827 году онъ пишетъ первому: «Ты говоришь, что сообщеніе съ людьми необходимо для нашего образованія,—и я съ этимъ совершенно согласенъ; но ты зовешь въ Петербургъ.—Назови же тѣхъ счастливейцевъ, для общества которыхъ долженъ я ѣхать за тысячу верстъ, и тамъ употреблять большую часть времени на бесполезныя дѣла. Мнѣ кажется, что здѣсь есть вѣрнѣйшее средство для образованія: это—возможность употреблять время, какъ хочешь. Не думай, однако же, чтобы я забылъ, что я Русскій и не считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать для блага своего отечества. Нѣтъ! Всѣ силы мои посвящены ему. Но мнѣ кажется, что внѣ службы—я могу быть ему полезнѣе, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литераторомъ—а содѣйствовать къ просвѣщенію народа не есть ли величайшее благодѣяніе, которое можно ему сдѣлать? На этомъ поприщѣ мои дѣйствія не будутъ бесполезны; я могу это сказать безъ самонадѣянности. Я не бесполезно провелъ мою молодость, и уже теперь могу съ пользою дѣлиться своими свѣдѣніями. Но цѣлую жизнь имѣя главною цѣлью: образоваться, могу ли я не имѣть вѣса въ литературѣ? Я буду имѣть его и дамъ литературѣ свое направленіе. Мнѣ все ручается въ томъ, а болѣе всего сильные помощники, въ числѣ которыхъ не лишнее упомянуть о Кошелевѣ; ибо люди, связанные единомысліемъ, должны имѣть одно направленіе. Всѣ тѣ, которые совпадаютъ со мной въ образѣ мыслей, будутъ моими общни-